МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ

по воспоминаніямъ двухъ родныхъ братьевъ.

Предлагаемыя вниманію читателей воспоминанія о Московской Духовной Академіи принадлежатъ двумъ получившимъ въ ней образованіе роднымъ братьямъ: старшему—магистру VII курса, протоіерею губ. гор. Владимира Іакову Васильевичу Миловскому, моему дядѣ (сконч. въ 1878 году), и младшему—кандидату XIII курса, протоіерею г. Шуи (Влад. губ.) Михаилу Васильевичу Миловскому, моему отцу. Воспоминанія перваго заимствованы изъ обширныхъ автобіографическихъ записокъ его, полныхъ глубокаго интереса; воспоминанія втораго записаны нами съ его словъ.

Свящ. Н. Милозскій.

I.

Московская Духовная Академія въ 1826—1830 годахъ.

13-го Августа 1826 года, помолившись Богу и получивъ благословеніе родителей, отправился я въ Троице-Сергіеву лавру, для поступленіи въ Московскую Духовную Академію, куда посланъ былъ на казенный счетъ правленіемъ Владимирской семинаріи, какъ считавшійся однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Неторопливо ѣхали мы съ моимъ родителемъ на гнѣдой клячѣ. Всю дорогу я былъ очень пасмуренъ и отъ того, что робѣлъ при мысли о своей плохой учености, и отъ того, что какъ-то нездоровилось.

Такъ, не очень здоровымъ я и прибылъ въ лавру послѣ вечерни 15-го числа. Студентовъ еще никого не было. Я тотчасъ явился къ инспектору Евлампію со страхомъ и трепетомъ. Онъ принялъ меня хорошо; поговорилъ о нашей семинаріи, о нашей обмундировкѣ; замѣтилъ мою блѣдность и велѣлъ мнѣ занять какую-либо комнату впредь до распредѣленія. Распредѣленіе послѣдовало послѣ экзамена, весьма снисходительнаго. Мнѣ досталось отвѣчать изъ метафизики Ѳеодору Александровичу Голубинскому. Что именно меня спрашивали и какъ я отвѣчалъ, не помню. Видно, отвѣты мои были не очень удовлетворительны, потому что я принятъ въ числѣ посредственныхъ. Помѣстили насъ, Владимирцевъ, въ 6-мъ № (вторая комната отъ сто-

ловой). Съ нами же были помѣщены и Москвичи. Комната наша была мрачная, но за то сухая (а это не бездѣлица).

Первое время пребыванія въ Академіи было для насъ очень весело, вотъ по какому случаю: лавра ожидала пріѣзда дорогихъ гостей, нововѣнчаннаго императора Николая со всею фамиліею, послѣ коронаціи въ Москвѣ. Лекціи не начинались, все ждали Государя, и ждали довольно долго: коронація была 22-го Августа, а жданные гости прибыли 25-го Сентября. Они пожаловали послѣ вечерни. Толпы народа осаждали монастырь. Студенты Академіи и Виѳанской семинаріи были разставлены отъ святыхъ воротъ до Троицкаго собора. Новопроизведенный митрополитъ Филаретъ со всею братіею выходилъ на встрѣчу. Государь и государыня вели подъ руку Марію Ѳеодоровну и непрестанно кланялись. Квартира имъ была приготовлена въ царскихъ чертогахъ (въ главномъ зданіи Академіи, гдѣ конференція, какъ разъ надъ нашимъ студенческимъ помѣщеніемъ). Куда бы Императоръ ни пошелъ, и мы бѣжимъ туда же, какъ сумасшедшіе. Посадъ былъ иллюминованъ. Веселое было время! Скоро только прошло оно. На другой день всѣ высокіе гости были у обѣдни и обошли монастырскія церкви. Потомъ Государь былъ въ нашей залѣ, въ столовой, въ библіотекѣ. Къ своему столу пригласилъ ректора Академіи. По окончаніи обѣда тотчасъ всѣ отправились въ Москву, лавра, послѣ шума и суетни, вдругъ утихла, и мы, наконецъ, принялись за дѣло. При посѣщеніи лавры царскою фамиліей, я видѣлъ маленькаго, но довольно толстаго Дибича.

Вотъ какой былъ порядокъ въ Академіи. Утромъ, въ 6 часовъ, солдатъ Копнинъ проходилъ подъ окнами студенческихъ номеровъ со звонкомъ, приглашая спящую ученость къ молитвѣ и занятіямъ. Но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ: никто и не думалъ вставать по звонку. Кому нужно было вставать рано для своихъ занятій, тотъ давно всталъ и сидѣлъ за своими тетрадками, въ своей комнатѣ или классной залѣ; кому же хотѣлось спать, то спалъ спокойно до 8 часовъ, а нѣкоторые ухитрялись просыпать и классы. (Первымъ изъ такихъ мудрецовъ былъ философъ Абрамычъ Виноградовъ, а вторымъ нашъ Владимирецъ Владыкинъ). Въ 8 часовъ опять идетъ тою же дорогой Копнинъ съ своимъ колокольчикомъ созывать нашего брата въ классъ, и мы шли, только очень неторопливо: наставники приходили на одинъ только часъ; что же намъ дѣлать въ классѣ безъ наставника? Не драться же на кулачки, какъ бывало въ училищѣ! Въ 10-ть перемѣна, въ 12-ть прямо изъ класса въ столовую; въ 2 часа опять въ классъ, въ 4 кончались классы, въ 8 ужинать, въ 10 спать,—и все по звонку. Въ 10 часовъ въ каждой комнатѣ должны быть про-

читаны вечернія молитвы; но и это не исполнялось: каждый молился про себя, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда инспекторъ посѣтитъ комнату; а онъ непремѣнно каждый день посѣщалъ одну которую-нибудь. Тогда одинъ изъ студентовъ, по назначенію инспектора, бралъ канонникъ и читалъ всѣ вечернія молитвы внятно и неторопливо, а прочіе стояли и усердно молились.

Вообще жизнь въ Академіи была самая нестѣснительная. Начальство обходилось со студентами не какъ съ ребятами, которымъ необходимъ строгій надзоръ. Все время, свободное отъ классовъ, оно отдавало намъ въ полное распоряженіе. Такъ и слѣдуетъ. Зачѣмъ водить на помочахъ 20-тилѣтнихъ юношей? Къ сожалѣнію, не всѣ умѣли употреблять во благо свою свободу; нѣкоторые съ большими способностями облѣнились, другіе любили и покутить при случаѣ и безъ случая.

Студенты помѣщались въ двухъ корпусахъ, старомъ и новомъ. Всѣхъ комнатъ или номеровъ было четырнадцать. Особенныхъ спаленъ не было; гдѣ занимались, тутъ и чай пили, тутъ и спали. Въ каждой комнатѣ посрединѣ стояли два массивные стола, окрашенные желтой краской и нѣсколько табуретовъ (ничѣмъ не обтянутыхъ) по числу студентовъ, большой гардеробъ для платья, шкафъ. Вверху шкафа мы клали свои книги, а внизу свѣчи, щетки, самовары. Кровати были желѣзныя; на нихъ тюфякъ, простыня и двѣ подушки, на всемъ этомъ студентъ, а на студентѣ одѣяло изъ самой грубой шерсти; подъ кроватью сундукъ для бѣлья. Имѣлся еще комодъ съ нѣсколькими ящиками для каждаго жильца.

Въ каждую комнату назначался старшій, который долженъ былъ имѣть постоянный надзоръ за живущими съ нимъ. Съ ними онъ долженъ садиться въ столовой, съ ними ходить въ церковь. Это нѣчто въ родѣ гувернера. Послѣ ужина каждый день старшіе ходили къ инспектору съ рапортомъ о томъ, все ли благополучно, исправно ли въ столовой. По истеченіи мѣсяца старшій подавалъ инспектору записку обо всемъ, что было особеннаго въ комнатѣ, указывалъ на добрыя и недобрыя черты живущихъ подъ его смотрѣніемъ. На запискѣ дѣлались инспекторомъ отмѣтки. Впослѣдствіи этотъ обычай отмѣненъ. И хорошо, что отмѣненъ. Что если старшій недобросовѣстенъ? Вѣдь онъ можетъ замарать репутацію, не боясь обличеній; потому что все дѣлалось въ тайнѣ.

Нашимъ гувернеромъ на младшемъ курсѣ былъ Ефимъ Васильевичъ Михайловъ, изъ отличныхъ воспитанниковъ Виѳанской семинаріи, страшный гордецъ: глядитъ на насъ свысока и слова не скажетъ. Однако мы стали замѣчать, что нашъ строгій благочинный идетъ не

всегда твердыми шагами къ своей кровати и съ этимъ открытіемъ потеряли къ нему страхъ и уваженіе. Принявъ монашество съ именемъ Евграфа, онъ кончилъ курсъ вторымъ и оставленъ при Академіи баккалавромъ, но къ концу втораго года спился, бѣдняга, окончательно, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Амвросіемъ, также баккалавромъ. Жалко было видѣть, до какой степени унизился этотъ въ высшей степени гордый человѣкъ. Онъ просилъ у меня, когда я былъ комнатнымъ старшимъ, пятіалтынный на полштофъ вина! Мнѣ было стыдно слышать такую просьбу; безъ всякихъ отговорокъ я исполнилъ ее; даже послалъ своего служителя принести Русскаго нектара.

Столъ у насъ былъ не роскошный. Дѣти богатыхъ родителей, особенно Москвичи, избалованные съ дѣтства хорошимъ столомъ, очень неласково посматривали на академическую стряпню; но большая часть, вскормленные кашей и сѣрыми щами, кушала эту стряпню съ аппетитомъ и не роптала. Въ праздничные дни кусокъ пирога, студень, щи съ говядиной и жаркое—за обѣдомъ, а за ужиномъ—похлебка и каша; въ будни за обѣдомъ щи съ говядиной и каша; въ постные дни тѣже щи, таже похлебка и каша, только непремѣнно съ прогорклымъ конопляннымъ масломъ, которое и портило все дѣло, отбивая аппетитъ у самыхъ невзыскательныхъ гастрономовъ. Не знаю почему (не нарочно же покупали масло скверное), но во всѣ четыре года на нашемъ столѣ не было хорошаго масла. Оттого постные дни были очень непріятны, особенно тѣмъ бѣднякамъ, у коихъ не было ни копѣйки денегъ, а такіе встрѣчались между нами. Я принадлежалъ къ числу едва не богачей. Двоюродный братъ Миловзоровъ прислалъ мнѣ 10 золотыхъ арабчиковъ изъ Кюстенджи, гдѣ онъ состоялъ во время Турецкой войны докторомъ при госпиталѣ, да 23 цѣлковыхъ изъ-подъ Варны. Поэтому у меня была возможность дополнять недостатокъ казенной пищи собственными булками. Чай пили многіе, но многіе обходились и безъ него. Самоваровъ было немного; у кого не было своего, тотъ выпрашивалъ кипяченой водицы у товарища. У меня имѣлся свой самоваръ, купленный мной у одного изъ кончившихъ курсъ за 7 рублей асс. Чай пили на томъ же столѣ, на которомъ и занимались. Въ столовой ложки были деревянныя. Во время обѣда и ужина чередной студентъ читалъ житіе дневнаго святаго. Чтенія никто рѣшительно не слушалъ, а иные изъ проказниковъ приносили съ собой смѣшныя рукописныя сказанія о томъ, какъ одинъ монахъ, исшедъ изъ обители, узрѣлъ діавола, ѣдущаго на свиньѣ, или какъ Михаилъ Архангелъ бысть постриженъ въ мнихи. Всѣ хохотали, вотъ и назиданіе! Начальство, конечно, не знало этихъ продѣлокъ, да и знать не могло, потому что служители были всѣ за насъ и никогда на насъ не доносили, а о студентахъ и говорить нечего.

Одежда у насъ была однообразная; въ комнатѣ—шлафрокъ изъ какой-то грубой матеріи, въ классѣ и въ церкви—суконные сюртукъ и брюки, при окончаніи курса фракъ. Ни шинели, ни перчатокъ, ни носовыхъ платковъ, ни полотенецъ не полагалось. Кто могъ, тотъ кутался, въ зимнюю пору, въ свою шинель; а кто не имѣлъ совершенно никакихъ средствъ, тотъ легко обходился и безъ этой тяжести. Любо бывало посмотрѣть на Николая Ивановича Панинскаго, когда онъ въ одномъ сюртучкѣ, безъ перчатокъ, летитъ, въ трескучій морозъ, въ Трапезную церковь, а иногда и за ворота, прогуляться или завернуть съ добрымъ товарищемъ къ Конькову. Мнѣ батюшка, спасибо, подарилъ на первомъ году шинель. Правда, она была изъ толстѣйшаго сукна и холодная; но что же дѣлать? Онъ былъ очень небогатъ.

Во всю длину стараго корпуса разстилалась равнина, на которой въ лѣтнюю пору росла хорошая трава. Когда она, высушенная, лежала въ копнахъ, нѣкоторые студенты, любители сельской природы и вольнаго воздуха, спокойно тамъ спали. Теперь на этомъ лугу разросся правильный садъ, съ дорожками и куртинами; деревья такъ высоки и роскошны, что прежняго мѣста и узнать нельзя.

Разсказавъ про академическіе порядки, упомяну о начальникахъ и наставникахъ академіи. Ректоромъ академіи былъ архимандритъ Поликарпъ, человѣкъ добрый, но малодѣятельный: любилъ весело провести время, сытно поѣсть, сладко и попить, оттого сильно растолстѣлъ. Въ архіереи не попалъ. Уволенъ отъ должности ректора едва ли по прошенію, и умеръ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, которымъ за послѣднее время управлялъ. Догматику онъ читалъ по тетрадкѣ и очень мало объяснялъ. Въ классъ приходилъ два раза въ недѣлю, и то на одинъ часъ. Для него мы дѣлали выписки изъ Греческихъ и Латинскихъ отцевъ Церкви въ его обширной залѣ, гдѣ онъ поилъ насъ чаемъ. Онъ думалъ было составить свою догматику и издать въ свѣтъ, но ничего не сдѣлалъ.—Инспекторъ, архимандритъ Евлампій былъ довольно добръ и непридирчивъ, но очень нерасторопенъ, а потому худо распоряжался, еще хуже преподавалъ свое Практическое Богословіе. Записки его были чрезвычано тяжелы; учить ихъ было наказаніе. За то студенты осыпали его безпощадными сарказмами. Послѣ онъ былъ въ Тобольскѣ архіепископомъ; наконецъ уволенъ на житье въ Свіяжскъ за какую-то скандалёзную исторію, гдѣ и умеръ.—Изъ наставниковъ, по мнѣнію всѣхъ, стоялъ на первомъ планѣ Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій. Онъ имѣлъ самое доброе сердце, глубокое смиреніе, обширную ученость. Къ каждому студенту онъ обращался съ уваженіемъ; въ каждомъ отвѣтѣ нашемъ, иногда совершенно неосновательномъ, непремѣнно отыскивалъ какой-нибудь смыслъ.

Его многознаніе выказывалось на экзаменахъ. Возраженія Филарета иногда приводили въ тупикъ не только студентовъ, но и баккалавровъ; тогда Ѳеодоръ Александровичъ вставалъ и тотчасъ рѣшалъ трудный вопросъ ясно и удовлетворительно. Но, какъ профессоръ, онъ въ наше время пользовался прошедшею славою: слишкомъ осторожно раскрывалъ онъ предъ нами философскія сокровища. При мнѣ онъ былъ еще во фракѣ, но вскорѣ принялъ священство. Былъ протоіереемъ Московскаго Вознесенскаго монастыря, оставаясь на службѣ при академіи. Умеръ на своей родинѣ, въ Костромѣ.—Экстраординанрый профессоръ эстетики Платонъ Ивановичъ Доброхотовъ, холостякъ, имѣлъ умъ основательный, но языкъ злой. Строго критиковалъ онъ наши сочиненія, и всегда съ тонкою ироніею, не объявляя, впрочемъ, имени автора. Бывало сердце замираетъ, когда онъ вынимаетъ изъ боковаго кармана тетрадку: что̀, если тутъ мое сочиненіе? сгоришь отъ стыда! Спрашивалъ онъ меня одинъ только разъ въ два года и цѣлый часъ бесѣдовалъ со мною о вкусѣ. Къ счастію, я недавно просматривалъ этотъ трактатъ и не только имѣлъ его въ свѣжей памяти, но умѣлъ указать на нѣкоторые иностранные источники, касающіеся этого предмета. Платонъ остался доволенъ моими отвѣтами и настоялъ (голосъ его былъ уважаемъ въ конференціи) поставить меня въ спискѣ довольно высоко. Вскорѣ послѣ окончанія мною курса онъ умеръ.—Петръ Спиридоновичъ Делицынъ былъ умный и добрый профессоръ математики. Я не учился ей, а потому не имѣлъ съ нимъ никакого сношенія.—Съ благодарностью я долженъ вспомнить Павла Петровича Ключарева, наставника по всеобщей исторіи. Онъ былъ ко мнѣ очень внимателенъ, можетъ быть, потому, что я любилъ его предметъ. Впрочемъ, онъ былъ и ко всѣмъ хорошъ, по добротѣ сердца. Предметъ свой изучалъ постоянно, а потому зналъ его и объяснялъ намъ безъ тетрадки очень хорошо. Онъ, по отзывамъ знающихъ людей, могъ бы съ честью занимать историческую каеедру въ университетѣ. Почеркъ письма его былъ такъ гадокъ, что изъ рукъ вонъ. Однажды я переписалъ его проповѣдь (на Петровъ день), за что̀ получилъ въ подарокъ десть почтовой бумаги. Умеръ, въ санѣ протоіерея, въ Москвѣ.—Моисей Егоровичъ Молчановъ, весьма умный, дѣятельный, расторопный баккалавръ исторіи философскихъ системъ. Онъ весьма много сдѣлалъ по устройству академической библіотеки. Онъ былъ росту высокаго, кривой (ему въ дѣтствѣ сестра проткнула глазъ вилкой). Умеръ въ Москвѣ въ первую холеру.—О другихъ наставникахъ можно и не говорить; развѣ упомянуть о Дмитріѣ Петровичѣ Новскомъ, позднѣе протопресвитерѣ Московскаго Успенскаго собора (читавшемъ намъ логику и психологію), впрочемъ не за то, что онъ читалъ намъ эти премудрости,

а за то, что подписался на моемъ дипломѣ: ab actis academiae Demetrius Novsky.

Первое время моей жизни въ академіи было мнѣ очень скучно. Часто я уходилъ на стѣну монастырскую съ тетрадкой, но тетрадку не всегда вынималъ изъ кармана, а больше смотрѣлъ вдаль и мечталъ Богъ знаетъ о чемъ, расхаживая по открытой со всѣхъ сторонъ Каличьей башнѣ. И теперь не могу объяснить, почему мнѣ было такъ скучно. Такъ, бывало, сердце и ноетъ, будто неминучая бѣда виситъ надъ головою. Знаменитая лавра, куда народъ валитъ тысячами со всей Россіи, мнѣ-юношѣ казалась если не гробомъ, то никакъ нелучше тюрьмы. Кажется, никто меня не обижалъ; товарищи были снисходительны къ нашему Володимирскому выговору; самые Виѳанцы и вышколенные Москвичи никогда не позволяли себѣ улыбнуться при страшномъ для нихъ выговорѣ нашего брата или Ярославца, а особенно Вологодца. Начальники и подавно были съ нами очень хороши. Отчего же эта печаль сердца? Просто, кажется, отъ непривычки къ совершенно новой для меня жизни. Чѣмъ дольше жилъ въ академіи, тѣмъ больше привыкалъ къ ней, а наконецъ даже и полюбилъ ее, и теперь вспоминаю съ благодарностью. Академія поставила меня на ноги, вывела въ люди, была всегда ко мнѣ добра и снисходительна до того, что дала мнѣ такую степень, которой я далеко не заслуживалъ.

На первыхъ порахъ я былъ слишкомъ боязливъ: боялся выйти за ворота, не смѣлъ принять участіе ни въ какихъ шуткахъ товарищескихъ; а потомъ смѣло разгуливалъ по рощамъ или по посаду, смѣло становился въ ряды товарищей, играющихъ въ мячъ или марширующихъ подобно шеренгѣ солдатъ. Затѣй было очень много въ наше время, но не буйныхъ, а легко извиняемыхъ нашимъ возрастомъ; напр. пѣли пѣсни, устраивали театръ (одинъ разъ меня уговорили принять участіе въ какой-то комедіи), ходили за монастырь смотрѣть на посадскіе хороводы. При нашемъ приближеніи непремѣнно запѣвали:

Черничекъ ты мой,
Горюнъ молодой...

Разумѣется, всѣ игры и гулянья устраивались въ свободное время. Были между товарищами и такіе, которые любили посидѣть за пуншемъ въ лавочкѣ Конькова и Балашова и возвращались въ монастырь нетвердыми шагами, но таковыхъ было немного.

Нѣкоторымъ развлеченіемъ для меня была бесѣда со старцемъ-іеромонахомъ Гавріиломъ. Онъ приходился дядею моему дядѣ. Родня, какъ видите, не самая близкая; но онъ принималъ меня, будто близкаго роднаго, съ большимъ радушіемъ. Придешь къ нему вечеркомъ,—

сидитъ пожелтѣвшій отъ лѣтъ старецъ за чулкомъ или за прялкой. Шерсть онъ прялъ самъ и изъ нея работалъ чулки или перчатки себѣ и своимъ внучатамъ. Когда преосвященный Филаретъ, сдѣлавшись настоятелемъ лавры, обходилъ монашескія кельи, намѣстникъ Аѳанасій приказалъ убрать все, кромѣ книгъ, образовъ и чѣтокъ. Мой Гавріилъ не послушался, привязанную къ лопатѣ кудель шерсти оставилъ на виду. Филаретъ обратилъ вниманіе на эту, невиданную имъ, работу и похвалилъ труженика. Обрадуется о. Гавріилъ моему приходу и закричитъ своему сосѣду, жившему черезъ сѣни, такому же старцу Сергію. Тотъ является въ одномъ камзолѣ, и начинается у насъ бесѣда вокругъ самовара, которымъ распоряжался всегда я. Я же долженъ былъ попотчивать ихъ и водочкой, которая у нихъ не переводилась. Старики были простые, добрые и весьма неглупые; шутили, другъ друга называли полуименемъ, много надѣялись на молитвы преподобнаго Сергія и ужасно не любили двоихъ схимонаховъ, которые жили надъ ними. Бывало, съ удовольствіемъ проведешь съ ними время. Послѣ моего отбытія изъ лавры, мой старецъ разбитъ былъ параличемъ, ослѣпъ и доживалъ въ больницѣ, нуждаясь во многомъ. Пріѣхавши въ лавру изъ Владимира, я отыскалъ бѣдняка. Съ перваго слова онъ узналъ меня и съ чувствомъ вспоминалъ наши бесѣды. Прощаясь, я положилъ ему въ руку синенькую. «За что это?» спросилъ старецъ.—«За любовь твою», сказалъ я. При этомъ словѣ, слезы закапали на его сѣдую бороду.

Пріѣхавши въ Академію съ самымъ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и съ самымъ высокимъ понятіемъ объ этомъ высшемъ духовномъ училищѣ, я боялся сдѣлаться вовсе недостойнымъ мѣста, а потому сталъ заниматься наукой прилежно. Вставая почти всегда часа въ 4, иногда въ 2, я уходилъ нерѣдко или въ залу или въ монашескія келіи, когда онѣ не были заняты. Иногда просиживалъ далеко за полночь, а одинъ разъ просидѣлъ до 6 часовъ утра. Такая усидчивость была на первыхъ порахъ необходима: иначе я навсегда остался бы въ числѣ посредственныхъ. Первое мое сочиненіе было такъ плохо, что Молчановъ подписалъ подъ нимъ самое нелестное словечко: *male*. Впрочемъ, и то надобно сказать, что оно написано было будто экспромптъ какой, безъ всякаго раченія. На классы я ходилъ рѣшительно на всѣ; таковыхъ строгихъ ревнителей классическихъ занятій было очень немного: кромѣ меня, Филаретъ Гумилевскій, а еще и назвать не знаю кого. Изо всѣхъ предметовъ я болѣе любилъ исторію и успѣвалъ въ ней. По прошествіи двухъ лѣтъ, мои два историческія сочиненія представлены въ конференцію, какъ лучшія; вѣроятно, подъ ними подписана была другая отмѣтка. Французскимъ языкомъ я занимался много

и пріобрѣлъ навыкъ свободно читать Французскія книги. Готовя курсовое сочиненіе объ естественной религіи, я нерѣдко обращался къ Французскимъ источникамъ. Греческій языкъ и Еврейскій не были оставлены безъ вниманія. Проповѣдки мои одобрялись и были произносимы иногда въ Троицкомъ соборѣ, иногда въ Трапезной церкви.

Нашъ курсъ очень не великъ, всего человѣкъ сорокъ; а принято было значительно больше. Одинъ, напр., убѣжалъ изъ Академіи вскорѣ отъ грубой пищи; другой вышелъ изъ столовой и мертвый ткнулся въ снѣгъ; третій упалъ, возвращаясь изъ Виѳаніи, и также умеръ. Эта внезапная смерть, такъ грозно поражавшая нашихъ молодыхъ, здоровыхъ, веселыхъ товарищей, подавляла всѣхъ насъ ужасомъ.

Изъ сорока товарищей дальше и выше всѣхъ пошли тѣ, которые сдѣлались монахами. Монашество—самая широкая и торная дорога къ почестямъ, славѣ, ко всѣмъ удобствамъ жизни, кромѣ семейныхъ радостей. Вотъ напр., Филаретъ, архіепископъ Черниговскій. Вѣдь онъ просто былъ Димитрій Григорьевичъ Гумилевскій; онъ имъ и остался бы, подобно всѣмъ намъ, протоіереямъ и іереямъ, если бы не перемѣнилъ свое имя. До монашества онъ былъ ниже меня; а теперь что̀ я передъ нимъ? Впрочемъ, надобно сказать, что онъ былъ съ выдающимися способностями, кротокъ и весьма прилеженъ. Гумилевскій, обвѣшанный орденами, носилъ крестъ доктора богословія. Умеръ, обозрѣвая свою епархію.—Вотъ Никодиму, прежнему Никитѣ Ивановичу Казанцеву, не очень повезло. Добился онъ архіерейства, да въ дальней Сибири; это нелестно. Этотъ Никодимъ былъ нелюбимъ; за его сладкую улыбочку и какое-то ханжество товарищи влѣпили ему прозванье Никита Пустосвятъ: это прозваніе за нимъ и осталось. Были и еще монахи, да тѣ ужъ больно плохи, и потому никакъ не могли дойти до высшихъ степеней священства.

Изъ нашего курса, прежде его окончанія, вышли Яковъ и Сергѣй Баршевы, изъ коихъ первый былъ потомъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета, а второй—ректоромъ Московскаго. Оба были ребята бойкіе, съ хорошими способностями. Они были вызваны въ Петербургъ вслѣдствіе проекта Сперанскаго, который, желая образовать хорошихъ наставниковъ по законовѣдѣнію, предложилъ Государю взять для этой цѣли молодыхъ людей изъ духовныхъ академій. Два раза было требованіе по три студента изъ нашей и Петербургской академій. Они, побывши нѣсколько при университетѣ, отправились въ Берлинъ. Посланные оправдали надежду Сперанскаго. Въ первый разъ былъ посланъ Константинъ Неволинъ, изъ Вятскихъ, маленькій, худенькій, черноглазый. Какъ теперь гляжу на его невзрачную фигуру. Онъ былъ послѣ ректоромъ университета Св. Владимира и пріобрѣлъ

Европейскую знаменитость сочиненіями по части права. Другой былъ Василій Потаповичъ Знаменскій. Этотъ по уму и сердцу выше Неволина, но, къ несчастію, умеръ вскорѣ по возвращеніи изъ Берлина.

Изъ младшаго курса вышелъ въ люди Ѳеимъ Поликарповичъ Орлинскій, Евсевій, архіепископъ Могилевскій. Онъ былъ письмоводителемъ у эконома и жилъ въ его комнатахъ, гдѣ я иногда и бесѣдовалъ съ нимъ за чаемъ, какъ человѣкъ очень близкій. Хорошій былъ студентъ Ѳеимъ Поликарповичъ; а Тимоѳей Григорьевичъ Успенскій (Филоѳей, архіепископъ Тверской) лучше его; но я съ нимъ вовсе не былъ знакомъ. Александръ Васильевичъ Горскій по праву заслужилъ уваженіе и ту степень, на которой стоитъ теперь *).

Предшествовавшій намъ курсъ отличался необыкновеннымъ усердіемъ къ равноангельскому житію: изъ 35 студентовъ 10 подклонили выю свою подъ иго Христово. Евлампій потиралъ руки отъ удовольствія; но Россійская церковь немного получила пользы отъ этой толпы подвижниковъ. Только двое, какъ умные и хорошіе иноки, попали въ архіереи: Варлаамъ (Тобольскій), да Іосифъ (Воронежскій); изъ числа прочихъ одни были ужъ слишкомъ плохи, а другіе вскорѣ оказались горькими пьяницами. Настоящимъ монахомъ былъ одинъ Агапитъ (Введенскій): это былъ аскетъ въ полномъ смыслѣ; такимъ остался на всю жизнь. Отъ архіерейства отказался. Управляетъ доселѣ Московскимъ Новоспасскимъ монастыремъ.

Во всѣ четыре года моего курса митрополитъ Филаретъ пріѣзжалъ въ Іюнѣ на экзамены и держалъ Академію, начальствующихъ, учащихъ и учащихся, въ страхѣ. Всѣ боялись его учености и власти. Я не разъ былъ предъ лицемъ его святѣйшества. На окончательномъ экзаменѣ онъ два дня перебиралъ нашего брата по восьми часовъ сряду. Мы, молодые люди, утомлялись до крайности, а онъ видно не утомлялся: ни одной ошибки не пропуститъ не только въ мысляхъ, но даже въ словахъ, удивительный человѣкъ! Время жаркое. Съ бѣднаго ректора, не любившаго изнурять плоть свою ни постомъ, ни молитвою, потъ катился градомъ; ну, ужъ доставалось ему!.. Однако наши отвѣты, видно, понравились строгому визитатору. Онъ выразилъ свою благодарность ректору, и ректоръ, за эту, полученную имъ, благодарность благодарилъ насъ, при чемъ мнѣ сдѣлалъ замѣчаніе, что я часто откашливался (чего я, конечно, не примѣчалъ за собою).

Конференція состоялась скоро, и мы тотчасъ узнали свою сортировку и даже назначеніе на мѣста. Меня возвели на степень магистра богословія и назначили на классъ философіи. То и другое было

*) Было писано въ началѣ 70-хъ годовъ. С. Н. М.

для меня, слишкомъ высоко; того и другаго я далеко не стоилъ. Развѣ такіе должны быть магистры богословія и профессора философіи? Но тогда мнѣ было только 24 года, а потому мнѣ и въ голову не приходило сознаться въ своихъ недостаткахъ; я только радовался своему возвышенію и мечталъ, мечталъ много. Жизнь представлялась въ розовомъ свѣтѣ. Ни одного облачка не было видно на ея горизонтѣ.

6-го Іюля 1830 года я выѣхалъ изъ Академіи совсѣмъ не съ такими чувствами, съ какими въѣхалъ въ нее: тогда я унывалъ, а теперь радовался; тогда былъ робокъ, а теперь ужъ родилась самонадѣянность; тогда я ѣхалъ въ монастырь на ученье, а теперь выпущенъ на волю и ѣхалъ учить въ ту семинарію, въ которой такъ недавно сидѣлъ на ученической скамьѣ. Нѣсколько товарищей проводили меня до Корбухи. Тамъ, на радости и на прощаньи, роспили мы полштофа сладкой водки. Это единственный мой кутежъ за все время моей академической жизни.

Весело, беззаботно проводилъ я вакацію на родинѣ, въ ожиданіи профессорства во Владимирской семинаріи. Но товарищъ Александръ Ефимовичъ Нечаевъ, Москвичъ, первымъ кончившій курсъ, заставилъ меня призадуматься, а родителей моихъ очень опечалилъ, объявивъ, что послѣ моего отъѣзда въ назначеніи на мѣста произошла перемѣна, и меня назначили въ Полтаву. (У Нечаева были родственники въ селѣ близкомъ къ моей родинѣ. Посѣтивши родныхъ, онъ вздумалъ навѣстить и своего товарища, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ). Нельзя было не задуматься отъ такого извѣстія; но я скоро помирился съ мыслію о путешествіи на Югъ и жизни между хохлами, по юношеской ли безпечности или по предчувствію, что дѣло устроится иначе. И оно дѣйствительно устроилось иначе, по волѣ Филарета, которому Коммиссія Духовныхъ Училищъ предоставила, на этотъ разъ, право распорядиться нашимъ братомъ: я, какъ предполагалось прежде, назначенъ профессоромъ философіи въ родную мнѣ Владимирскую семинарію...

II.

Московская Духовная Академія въ 1838—1842 годахъ.

Вотъ ужъ 50 лѣтъ, какъ я кончилъ курсъ въ Академіи, а она и доселѣ живо вспоминается мной, какъ будто я разстался съ нею только вчера, и воспоминанія о ней наполняютъ душу мою, самымъ сладкимъ чувствомъ. Академія дорога мнѣ не потому только, что я провелъ въ ней лучшіе, юношескіе годы жизни, полный силъ и надеждъ на будущее, но и потому, что она, какъ настоящая alma ma-

ter, заботливо воспитывала меня и, давъ мнѣ высшее образованіе и соединенныя съ нимъ права и преимущества, открыла для меня поприще общественной дѣятельности.

Во Владимирской семинаріи я кончилъ курсъ первымъ студентомъ. Семинарское правленіе, наблюдая очередь, хотѣло назначить меня въ Кіевскую Академію, но по просьбѣ моего брата, профессора семинаріи, послало въ Академію ближайшую, Московскую.

По прибытіи въ Сергіеву Лавру я прежде всего явился къ исправлявшему должность инспектора Академіи, іеромонаху Филоѳею, для представленія ему и себя, и своихъ документовъ [1]). Онъ указалъ мнѣ помѣщеніе и велѣлъ обратиться къ эконому за постелью и бѣльемъ. Мы почти только разъ и видѣли о. Филоѳея; потому что онъ, принявъ насъ и размѣстивъ по номерамъ, немедленно выѣхалъ изъ нашей Академіи въ Петербургскую для исправленія инспекторской же должности. Экономъ іеромонахъ Иліодоръ тотчасъ отдѣлилъ мнѣ и бѣлье, и матрацъ, и подушки. Какъ простой деревенскій парень, не избалованный услугами другихъ, напротивъ почти всѣ и тяжелыя домашнія работы дѣлавшій самъ, я хотѣлъ было взвалить всѣ эти вещи на себя и нести въ свой номеръ; но экономъ остановилъ меня, замѣтивъ, что на то есть въ Академіи служители.

Въ Академію я поступилъ при ректорѣ Филаретѣ [2]), а кончилъ въ ней курсъ при Евсевіи [3]). Оба они, въ манерѣ держать себя, въ образѣ жизни, въ отношеніи къ сослуживцамъ, студентамъ и постороннимъ лицамъ, старались осуществить завѣтъ митрополита Филарета, данный первому изъ нихъ: «берегите достоинство мѣста, которому принадлежите».

Филаретъ былъ подвижникъ благочестія и науки. Книга была его неразлучнымъ спутникомъ въ его прогулкахъ, напр. въ рощѣ на Корбухѣ (гдѣ теперь скиты). Многіе находили въ этомъ желаніе его «порисоваться». Молодой монахъ, съ худощавымъ смуглымъ лицомъ, съ думою во взорѣ, съ книжкою или тетрадкою въ рукахъ, гулявшій въ тѣни деревъ Корбухи или расхаживавшій по академическому двору, дѣйствительно обращалъ на себя вниманіе монастырскихъ богомольцевъ, особенно барынь. За годъ до окончанія мною курса, Филаретъ посвященъ былъ въ архіерея въ Ригу. Скорбь его по поводу назначенія въ Нѣмечину, неспокойную тогда окраину Русскую, раздѣляла и вся Академія. Когда Филаретъ, сознавъ крайнюю необходимость под-

---

[1]) Филоѳей (Успенскій) впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій. Скончался въ 1881 году.

[2]) Впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій. Скончался въ 1866 году.

[3]) Впослѣдствіи архіепископъ Могилевскій, членъ св. Синода.

янть образовательный уровень своего духовенства, чтобы оно не уступало въ образованности пасторамъ и съ бо̀льшимъ успѣхомъ дѣйствовало въ пользу Православія среди Нѣмцевъ, Эстовъ и Латышей, сталъ хлопотать о привлеченіи въ Ригу академиковъ, для замѣщенія священническихъ вакансій: тогда правленіе Академіи, къ числѣ четырехъ кончившихъ курсъ и не получившихъ еще назначенія на мѣста́, рѣшило отправить въ Ригу и меня. Но митрополитъ Филаретъ на журналѣ правленія написалъ, что-де не мѣшало бы предварительно спросить избранныхъ, желаютъ ли они «принять избраніе». Насъ спросили, и мы отвѣчали отказомъ, въ виду тогдашняго тяжелаго положенія дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ, вызваннаго дружнымъ массовымъ стремленіемъ Эстовъ и Латышей къ Православію и фанатическимъ противодѣйствіемъ тому со стороны Нѣмецкихъ пасторовъ и бароновъ, которые поддерживались, къ несчастію, самими мѣстными представителями Русской свѣтской власти. Меня, кромѣ того, удержала отъ поѣздки на службу въ Рижскую епархію любовь къ старымъ родителямъ, не хотѣвшимъ отпускать своего сына далеко отъ себя. «Уѣдешь ты отъ насъ въ такую даль, говорила мнѣ матушка, женишься тамъ; жена не отпуститъ тебя повидаться съ нами, и не увидимъ мы тебя, голубчика, больше».

Евсевій, состоявшій при Филаретѣ инспекторомъ, сдѣлался преемникомъ его по ректорству. Онъ отличался важностью въ обращеніи и движеніяхъ. Говорилъ чуть-чуть шевеля губами, отчего рѣчь его выходила тихою, но въ тоже время внушительною.

На мѣсто его инспекторомъ былъ опредѣленъ баккалавръ церковнаго краснорѣчія, іеромонахъ Платонъ [1]). Когда я, по окончаніи курса ѣхавши въ Тобольскъ на службу, остановился въ Казани, о. Платонъ, переведенный туда въ ректора семинаріи, принялъ меня, своего ученика и воспитанника, съ большимъ радушіемъ и любовью. «Если бы я доселѣ служилъ въ Академіи», сказалъ онъ мнѣ съ чувствомъ искренняго участія, «васъ такъ далеко не услали бы». Онъ находился тогда еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ пожара, незадолго предъ тѣмъ истребившаго лучшую часть Казани и самую семинарію, и весьма озабоченъ былъ вопросомъ о возобновленіи семинарскаго зданія. «Горе-то, горе-то, у насъ какое», почти послѣ первыхъ же привѣтственныхъ словъ началъ о. Платонъ, и разсказалъ мнѣ о пожарѣ со всею подробностью.

Преемникомъ о. Платона по инспекторству былъ іеромонахъ Агаѳангелъ, при которомъ мнѣ и пришлось кончить курсъ [2]). Я пользо-

[1]) Платонъ (Ѳивейскій), впослѣдствіи архіепископъ Костромской. Скончъ. въ 1877 году.

[2]) Агаѳангелъ (Соловьевъ), впослѣдствіи архіепископъ Волынскій. Скончъ. въ 1876 году.

вался вниманіемъ и расположеніемъ о. Агаѳангела, какъ землякъ его и родственникъ его друга-товарища по Владимирской семинаріи священника Григорія Филиповича Лебедева. О. Агаѳангелъ нерѣдко приглашалъ меня къ себѣ за-просто. Предъ посылкою доноса своего на Павскаго онъ посвятилъ меня въ эту тайну, которую знали, кромѣ меня, еще трое студентовъ.

Кстати объ этой печальной исторіи. Памятна она мнѣ, памятна особенно, потому что, къ сожалѣнію, мнѣ пришлось принять въ ней нѣкоторое участіе. Я не сталъ бы и упоминать о ней, если бы не считалъ своимъ долгомъ снять съ о. Агаѳангела густую тѣнь, какую налагаютъ на него нѣкоторые изслѣдователи исторіи доноса на Павскаго. Вотъ какъ было дѣло. Съ нѣкотораго времени студенты стали замѣчать, что трое изъ нашихъ товарищей почти каждый вечеръ уходятъ къ о. Агаѳангелу и подолгу у него остаются. О причинахъ своихъ отлучекъ къ нему они ничего намъ не говорили, и на вопросы любопытствующихъ или отвѣчали молчаніемъ или заводили рѣчь о чемъ-либо другомъ. Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ на святки домой о. Агаѳангелъ пригласилъ къ себѣ и меня. Когда я пришелъ, онъ, взявъ съ меня слово сохраненія тайны относительно предмета предстоявшаго разговора, повелъ рѣчь въ такомъ родѣ: «Павскій написалъ переводъ пророческихъ книгъ съ объясненіями, возмущающими чувство православнаго христіанина. По Павскому выходитъ, что пророчества—это не предвѣщанія самого Духа Божія устами избранныхъ мужей, а случайно оправдавшіяся въ позднѣйшихъ событіяхъ простыя изреченія экзальтированныхъ лицъ. Я, при участіи нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ студентовъ, сдѣлалъ разборъ этого перевода, съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на еретическія мѣста въ толкованіяхъ. Мнѣ представляется необходимымъ обратить на этотъ неологическій переводъ вниманіе высшей духовной власти, почему я и составилъ о немъ письма къ тремъ митрополитамъ». Послѣ того о. Агаѳангелъ началъ говорить, что по такимъ-то и такимъ-то соображеніямъ онъ не подписался подъ письмами, что по тому же считаетъ неудобнымъ послать ихъ изъ Сергіева Посада и, наконецъ, сталъ убѣдительно просить меня: «вотъ наступаютъ святки, время свободное отъ занятій; пожалуйста, съѣздите въ Москву и сдайте тамъ въ почтамтѣ мои письма». Я возразилъ, что на святки ѣду къ брату, во Владиміръ. «Такъ сдайте письма во Владимирѣ», обрадовался о. Агаѳангелъ; «это будетъ еще лучше». Дѣлать нечего, я взялъ письма и сдалъ ихъ во Владимирѣ на почтѣ. Одинъ знакомый чиновникъ, случайно встрѣтившійся тамъ со мною и успѣвшій какимъ-то образомъ прочитать адре-

сы на конвертахъ, приставъ ко мнѣ: разскажи, да разскажи, что̀ это за письма. Пришлось солгать: «Это поздравительныя письма къ митрополитамъ отъ здѣшняго преосвященнаго Парѳенія по случаю наступающихъ праздниковъ». Сдалъ я пакеты, а самъ думаю: «ну, что-то будетъ; кажется, дѣло не пройдетъ такъ». Но ужъ конечно я совсѣмъ не воображалъ, что эти письма, лежавшія у меня въ чемоданчикѣ и бывшія въ моихъ рукахъ, произведутъ большой переполохъ въ духовно-ученомъ и духовно-административномъ мірѣ, что они поднимутъ исторію, которая повлечетъ за собою удаленіе Кіевскаго и Московскаго митрополитовъ изъ Синода.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Академію началось слѣдствіе. Сперва митрополитъ нашъ хотѣлъ секретнымъ и чисто-домашнимъ образомъ произвести разслѣдованіе и отобрать распространившіеся у насъ экземпляры литографированнаго перевода; но было уже поздно. Во главѣ оффиціально назначенной слѣдственной коммиссіи находился епископъ Агапитъ, членъ Московской Синодальной Конторы, слѣдователь плохой, не умѣвшій взяться за дѣло какъ нужно. Допросы намъ дѣлались длинные-предлинные. Помню, насъ собрали въ одну изъ аудиторій и продержали тамъ чуть ли не цѣлый день. Молодые желудки сильно протестовали противъ необычнаго пропуска опредѣленнаго времени обѣда; обладатели ихъ сердились и ворчали. «Господа», сказалъ какой-то студентъ, «а вѣдь, говорятъ, все это надѣлалъ Агаѳангелъ!»

О томъ, чѣмъ закончилась исторія доноса Агаѳангела на Павскаго, писано довольно много разными лицами, въ томъ числѣ моимъ сослуживцемъ по Тобольской семинаріи и искреннимъ другомъ, Александромъ Ивановичемъ Сулоцкимъ, большею частію, съ моихъ же словъ. Повторять старое, печатанное, да и перепечатанное не будемъ; но по поводу нарекацій на о. Агаѳангела нужно сказать нѣсколько словъ. Не изъ опасенія за себя, за свою участь, онъ скрылъ подъ письмами свое имя, а изъ нежеланія втянуть въ дѣло митрополита Филарета, который и безъ того перенесъ много огорченій въ разныхъ исторіяхъ перевода священнаго текста на Русскій языкъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Агаѳангелъ подписался подъ письмами, въ обществѣ возникло-бы подозрѣніе и даже убѣжденіе, что они писаны *бакалавромъ Московской Академіи* именно по внушенію и порученію главнаго начальника ея митрополита Филарета, что это онъ, спрятавшись, ради собственнаго спокойствія, за спиною подчиненнаго ему человѣка, бросилъ камень обвиненія въ Павскаго, своего давнишняго противника, и такимъ образомъ личность

великаго, достойнѣйшаго святителя явилась бы въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ [1]). Такими соображеніями и побужденіями, сколько помню, объяснялъ свой поступокъ о. Агаѳангелъ въ оправдательномъ письмѣ къ митрополиту, которое передъ отправкою къ нему давалъ прочитать мнѣ и которое написано было очень основательно и трогательно.

Говорятъ: «Почему онъ не посовѣтовался со своими сослуживцами? Быть можетъ, они указали бы ему иной, болѣе благовидный путь дѣйствованія». Онъ и совѣтовался, по крайней мѣрѣ съ друзьями. Такъ мнѣ положительно извѣстно, что Агаѳангелъ послалъ свои письма на одобреніе и благословеніе друга своего, баккалавра Платона. Однажды онъ пришелъ къ о. Платону въ сильномъ смятеніи духа и, чуть не плача, сталъ говорить ему о появленіи у насъ неправославнаго перевода пророческихъ книгъ и о той борьбѣ, какая происходитъ въ его душѣ между требованіемъ долга обратить на этотъ переводъ вниманіе духовной власти и сознаніемъ трудности сдѣлать это мирно, безъ шума и безъ причиненія тревогъ нѣкоторымъ даже ни въ чемъ неповиннымъ мужамъ. Когда онъ сказалъ, что находитъ самымъ наилучшимъ послать о переводѣ безыменныя письма къ митрополитамъ и разъяснилъ причины именно такого образа дѣйствій, о. Платонъ одобрилъ его проектъ и благословилъ друга на дѣло. Агаѳангелъ поклонился ему въ ноги и вышелъ отъ него, охваченный рѣшимостью совершить задуманное. Это передавалъ мнѣ самъ о. Платонъ, когда былъ ректоромъ семинаріи въ Казани; тоже вспоминалъ въ бесѣдѣ со мною и впослѣдствіи, когда былъ архіепископомъ въ Костромѣ [2]).

Митрополитъ Филаретъ на первыхъ порахъ очень гнѣвался на Агаѳангела. На одномъ изъ экзаменовъ онъ сдѣлалъ строгое замѣчаніе нашему баккалавру, что тотъ невѣрно перевелъ Еврейское названіе Пятокнижія словомъ *пять пятыхъ*. «Что по вашему пять пятыхъ?» обратился Филаретъ къ математику Делицыну. «Единица», отвѣчалъ

---

[1]) Припомнимъ, что Павскій, какъ только узналъ въ авторѣ безыменныхъ писемъ бакалавра Московской Академіи Агаѳангела, тотчасъ же пришелъ къ убѣжденію, что они писаны по приказу Филарета... С. П. М.

[2]) Сколько намъ извѣстно, Платонъ въ то время, когда началось дѣло Павскаго, находился уже въ Казани, ректоромъ семинаріи. Платонъ былъ воспріемнымъ отцомъ Агаѳангела по иночеству, и тотъ вѣроятно просилъ у него совѣта, задумывая написать свои письма къ тремъ митрополитамъ. П. Б.

тотъ. «Нужно было бы», продолжалъ митрополитъ, «перевести такъ: пятерица пятерицъ; это будетъ указывать на то, что Пятокнижіе Моисея—лучшая книга, подобно тому, какъ Пѣснь Пѣсней—лучшій поэтическій сборникъ».

И впослѣдствіи, когда Агаѳангелъ сдѣлался уже архіереемъ, онъ не переставалъ оказывать мнѣ любовь и вниманіе. Бывало, онъ пришлетъ мнѣ съ какой-нибудь оказіей то архипастырское благословеніе, то поклонъ, то сочиненіе свое или какую-либо иную книжку. У меня бережно хранится, напримѣръ, маленькая, Кіевскаго изданія, Псалтирь, съ слѣдующею надписью: «Его благословенію любезному М—у В—чу М—му Агаѳангелъ, епископъ Ревельскій, викарій С.-Петербургскій. 19 Іюля 1859 года. С.-Пб.» Родина его, живописнѣйшій по мѣстоположенію погостъ Ильинскій-Телешово, находится всего въ пяти верстахъ отъ города Шуи, гдѣ я живу. Посѣщая родину, онъ навѣщалъ и меня. Однажды дѣти мои видѣли, какъ изъ окна проѣхавшей мимо нихъ кареты кто-то обѣими руками благословилъ мой домъ; послѣ оказалось, что это проѣзжалъ архіепископъ Волынскій Агаѳангелъ, не имѣвшій возможности, на этотъ разъ, посѣтить меня за недосугомъ.

Изъ профессоровъ въ наше время на первомъ планѣ стоялъ Ѳ. А. Голубинскій—дивный, обаятельный человѣкъ. Замѣчательно, что онъ почти никогда не смѣялся. Помню, только однажды онъ позволилъ себѣ улыбнуться. На пріемномъ экзаменѣ Ѳеодоръ Александровичъ спросилъ одного студента: «возможно ли, чтобы міръ образовался изъ атомовъ?» Студентъ отвѣчалъ: «если Господу угодно, то возможно». При такомъ отвѣтѣ усмѣхнулся и Ѳ. А. Смиреніе нашего мудреца было чрезвычайное. Рисуется мнѣ такая картина. Зима. Снѣгъ валитъ хлопьями на дорогу и на весь дворъ монастыря. По дорогѣ, направляясь къ академіи, идетъ, далеко неплавной походкой, о. протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ. Ему пересѣкаетъ путь какой-то мужичекъ, снимаетъ шапку и подходитъ подъ благословеніе. Голубинскій, также снявъ шапку, благословляетъ его. Мужичекъ завязываетъ о чемъ-то разговоръ, и оба остаются съ непокрытыми головами,—одинъ, конечно, изъ уваженія «къ батюшкѣ о. Ѳеодору», а другой изъ удивительной деликатности, не позволявшей ему накрыться предъ человѣкомъ, который самъ стоитъ безъ шапки, и изъ какой-то чисто-дѣтской робости, нерѣшительности сказать собесѣднику: «вотъ что, братъ, давай-ка накроемся; вѣдь теперь не лѣто красное; легко и головы простудить».

Такъ и разговариваютъ непокрытые, разговариваютъ долго и, наконецъ, послѣ многократныхъ взаимныхъ низкихъ поклоновъ, расходятся.

Нашему курсу выпало на долю первому слушать лекціи только что прибывшаго изъ Петербурга баккалавра эстетики Егора Васильевича Амфитеатрова. Помню его первую лекцію. Въ аудиторію вошелъ молодой баккалавръ, одѣтый франтомъ, и поклонился съ ловкостью почти военнаго человѣка. Вынулъ изъ кармана тетрадку и, не раскрывая ея, началъ лекцію: «Геній поэзіи разнообразенъ, какъ тотъ міръ, который пробуждаетъ его высокія идеи и питаетъ его творческое воодушевленіе»... Егоръ Васильевичъ не сидѣлъ на каѳедрѣ во время лекціи, а расхаживалъ по классу, ловко поворачивясь на каблукахъ. Лекція была блестящая; она привела всѣхъ насъ въ восторгъ. Мы поспѣшили ее записать. Я и доселѣ, спустя 50 лѣтъ, отрывками помню ее. Лекціи Амфитеатрова, однакожъ, не всегда нравились Филарету, который иногда находилъ въ нихъ одно фразёрство, за что и дѣлалъ автору ихъ острыя замѣчанія. Какъ Петербургскій питомецъ, набравшійся столичнаго лоску, Егоръ Васильевичъ старался задавать тонъ нашей профессорской корпораціи.

Жизнь въ академіи была вполнѣ свободная. Начальство рѣдко заглядывало къ намъ въ комнаты, въ той увѣренности, что мы, какъ люди уже вполнѣ взрослые, почти «мужи», сами съумѣемъ поддержать внѣшній порядокъ въ своей жизни.

Когда митрополитъ Филаретъ пріѣзжалъ въ лавру, пребываніе его здѣсь чувствовалось самымъ ощутительнымъ образомъ. Вездѣ, и на задворкахъ монастыря, выметено и вычищено; монахи не гуляютъ за воротами и пребываютъ въ келіяхъ своихъ, въ строгомъ безмолвіи; студенты также не путешествуютъ по посаду, а больше сидятъ въ комнатахъ за книжками и тетрадками. И не напрасно всѣ «подтягивались». Филаретъ былъ не номинальный только «Свято-Троицкія Сергіевы лавры священно-архимандритъ» и таковой же начальникъ академіи, но и самый заботливый дому-владыка, истинный хозяинъ и лавры, и академіи, зорко слѣдившій за всѣмъ и во все самъ вникавшій. Въ мое время былъ такой случай. Филаретъ, въ одну изъ своихъ любимыхъ прогулокъ по монастырскимъ стѣнамъ, забрался въ нижній этажъ стѣны и сдѣлалъ визитъ жившему тамъ академическому сапожнику. Въ мастерской нашего чеботаря, грязной до-нельзя, дымъ отъ махорки стоялъ коромысломъ. Митрополитъ поморщился, но всетаки остался въ такой атмосферѣ на нѣсколько времени, чтобы поучить сапожника

и внушить ему необходимость жить почистоплотнѣе. Однажды, передъ лекціей, мы сидимъ у себя въ номерѣ и преспокойно разговариваемъ. Вдругъ является Филаретъ. «Почему вы не на лекціи?» строго спрашиваетъ онъ насъ.—Еще рано, ваше высокопреосвященство, заикнулся кто-то. «Какъ рано?» возразилъ митрополитъ; «посмотри, сколько времени», обратился онъ къ сопровождавшему его келейнику. Оказалось, что лекціи уже пора начаться. Филаретъ прогналъ нашего брата въ классъ, куда и самъ пришелъ слѣдомъ за нами. Вскорѣ прибѣжали запыхавшійся Евсевій и блѣдный, смущенный профессоръ.

Мнѣ пришлось однажды отвѣчать предъ великимъ святителемъ на экзаменѣ. Это было въ годъ доноса на Павскаго. Филаретъ захотѣлъ поближе ознакомиться со всѣми участниками доноса, и главными, и второстепенными. Поэтому онъ и меня вызвалъ не въ очередь, раньше многихъ другихъ. Когда я вышелъ къ столу и поклонился митрополиту, онъ устремилъ на меня такой испытующій взглядъ, что я едва вынесъ его. Такъ и чувствовалось, что взглядъ этотъ проникалъ въ самую душу мою и видѣлъ всего «мя человѣка»; и думалось, что вотъ-вотъ разразится надо мною гроза. Какъ на грѣхъ, дрогнувшая рука моя взяла со стола самый послѣдній билетъ — о таинствѣ елеосвященія, единственный билетъ, котораго я не успѣлъ прочитать... По соблюдавшемуся у насъ обычаю отошелъ я къ окну обдумать свой отвѣтъ, попросилъ было помощи у стоявшаго тамъ товарища іеромонаха Ѳеофилакта Губина (впослѣдствіи епископъ Кавказскій и Черноморскій), но онъ отчаянно замахалъ рукой, говоря, что и со своимъ-то билетомъ ему не справиться. Нечего дѣлать; оставалось мнѣ припоминать то, что́ когда-то слушалъ на лекціи. Но, должно быть, мое лепетанье представляло нѣчто похожее на отвѣтъ, потому что митрополитъ выслушалъ меня благосклонно. Онъ спросилъ меня: «можно ли соборовать и больныхъ малолѣтнихъ?» Я отвѣчалъ: «Нѣтъ».—Почему?—«Потому что на нихъ нѣтъ тяжкихъ грѣховъ». Но Филаретъ рѣшилъ свой вопросъ такъ, что и малыхъ дѣтей больныхъ можно елеосвящать. На этомъ экзаменѣ спрошено было митрополитомъ 13 студентовъ. Филаретъ на журналѣ написалъ, что одни отвѣчали хорошо (это въ устахъ его большая похвала), а другіе—удовлетворительно (благосклонный отзывъ).

Въ бытность мою студентомъ академіи, въ лавру пріѣзжалъ новопоставленный архіепископъ Алеутскій Иннокентій. «Апостолъ Америки пріѣхалъ,» восторженно говорили студенты, и съ уваженіемъ смотрѣли на архипастыря-миссіонера. Почести ему были оказаны въ лаврѣ такія

же, какъ митрополиту. Когда Иннокентій отправился въ обратный путь, на лаврской колокольнѣ раздался торжественный звонъ во всѣ колокола. Былъ поздній зимній вечеръ. Мы оставили свои занятія и выбѣжали на монастырскій дворъ. Быстро проѣхалъ мимо насъ возокъ, въ которомъ находился архипастырь, отправлявшійся въ свою отдаленнѣйшую епархію на тяжкіе апостольскіе труды. Предъ отъѣздомъ онъ сдѣлалъ намъ запросъ, не желаетъ ли кто слѣдовать за нимъ для проповѣди слова Божія Алеутамъ. На зовъ откликнулся одинъ Озеровъ, мой товарищъ, очень дружный со мною (одолжавшійся моимъ самоваромъ, который и доселѣ цѣлъ). Въ Охотскѣ Озеровъ отъ Иннокентія принялъ монашество съ именемъ Мисаила, потомъ, вслѣдствіе слабости здоровья, возвратился въ Россію, гдѣ, будучи архимандритомъ, умеръ на покоѣ въ Троицкой лаврѣ.

Изъ нашего курса вышло немало замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей. Таковъ, напримѣръ, Владимиръ Сергѣевичъ Соколовъ, впослѣдствіи Іоаннъ, епископъ Смоленскій, знаменитый проповѣдникъ-публицистъ, затрогивавшій въ своихъ проповѣдяхъ вопросы современной мысли и жизни. Какъ теперь смотрю на его маленькую, непредставительную фигуру. Онъ былъ очень нелюдимъ. Ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ; все что-то обдумываетъ, все самъ съ собою разсуждаетъ, а съ нами—хоть-бы слово. На экзаменѣ по догматическому богословію онъ отвѣчалъ, помню, о Промыслѣ Божіемъ, и съ такою основательностью разрѣшалъ вопросы и возраженія Филарета, что тотъ сказалъ ему: «хорошо.»

Полнѣйшую противоположность Соколову по характеру представлялъ Н. И. Миролюбовъ, нынѣ Макарій, архіепископъ Донской и Новочеркасскій. Живой, общительный, простой и непринужденный въ обращеніи, онъ былъ любимцемъ всего курса. Дмитрій Григорьевичъ Левицкій, Петръ Симоновичъ Казанскій, Василій Петровичъ Палисадовъ, Александръ Кириловичъ Соколовъ, Петръ Іустиновичъ Палимпсестовъ—все это прекрасные, умные люди и товарищи.

Лейтенантъ Левъ Васильевичъ Краснопѣвковъ хотя и принадлежалъ къ нашему курсу, но съ нами въ знакомство не входилъ. Поступленіе свѣтскаго человѣка, да еще флотскаго офицера, въ Духовную Академію было тогда диковинкой. Самъ Филаретъ принялъ его подъ свое особое покровительство, отечески заботился о немъ и, когда Краснопѣвковъ запросилъ казеннаго содержанія, приказалъ удовлетворить его просьбѣ. Но великій святитель зналъ, кому покровительство-

вать: онъ предвидѣлъ, что изъ Краснопѣвкова будетъ прокъ, и не ошибся. Принявъ монашество съ именемъ Леонида, Краснопѣвковъ, послѣ неособенно-продолжительной службы по духовно-учебному вѣдомству, сдѣлался викаріемъ Филарета и, наконецъ, переведенъ на самостоятельную архіепископскую каѳедру въ Ярославль.

По окончаніи курса, я опредѣленъ учителемъ въ Тобольскую семинарію.

21-го Сентября минувшаго 1892-го, года въ тотъ самый день, когда Казанская Духовная Академія праздновала пятидесятилѣтіе своего существованія, исполнилось ровно пятьдесятъ же лѣтъ со времени вступленія моего на общественную дѣятельность, которую я началъ въ округѣ и вѣдомствѣ именно новооткрытой Казанской Академіи...